

Стоял сезон затяжных дождей. Короткие летние каникулы ещё только подходили к концу, но начались дополнительные занятия. Как только Сынгвон вошел в школу, сразу почувствовал резкий запах из школьных шкафов. Изнуренные жарой дети ходили с недовольными грустными лицами, единственный плюс — свободная форма. Однако Сынгвона даже это не радовало, его самой лучшей одеждой были рубашка в светло-голубую вертикальную полоску с короткими рукавами да хлопковые штаны. Его интересовало только одно.

Хэхён.

Он учился вместе с Хэхён в начальной школе, потом в средней, теперь оказался с ней и в старших классах. У нее было прозвище Медуза, потому что ее было видно насквозь, о чем бы она ни думала. *Хорошо хоть ее называют по-английски Jellyfish, а не просто Медуза. Иначе кем бы я был — влюбленным в девочку-медузу?* Она была самой большой

ЧОН СЭРАН

головной болью Сынгвона. Он постоянно переживал из-за нее. Это милое живое существо с простым и доброжелательным характером, к несчастью, видело в других только лучшие стороны, поэтому кто бы ни предлагал Хэхён встречаться, она никому не отказывала. А Сынгвон слишком долго собирался с духом и каждый раз терял шанс признаться ей в любви. Прошел уже первый семестр одиннадцатого класса, и только он решил, что ждать больше нельзя, как появился некий капитан баскетбольной команды, трубивший на всю школу, что признается Хэхён в любви. И уж она найдет в нем достойные стороны — к гадалке не ходи.

Тебе, Хэхён, не нужен капитан баскетбольной команды — этот огромный детина, на уме у которого одни прыжки. Тебе нужен именно я, который понимает тебя с полувзгляда. Каждое утро смотрю в твои глаза и уже знаю, что ты выберешь в буфете. И вот теперь Сынгвон должен был срочно ее отыскать. До него дошли слухи, что члены баскетбольной команды принесли свечи и собираются выложить их в форме сердца на мокрой школьной площадке. Лишь бы пошел дождь. Лишь бы пошел дождь.

Как только закончился первый урок, Сынгвон пошел в лабораторию. Она точно будет там. Хэхён очень страдала от жары, поэтому ей нравился холод-

ный каменный пол лаборатории, и она часто лежала на нем прямо у плотных пыльных занавесок. Сынгвон называл этот угол «летнее обиталище Медузы».

— Куда это ты направляешься, Чо Сынгвон? Ты ведь сегодня опоздал в школу?

Классный руководитель, преподаватель иероглифики, хотел остановить Сынгвона, но тот притворился, что не услышал его, и ускорил шаг. Конечно, нехорошо было так поступать с человеком, который хромает, но именно в тот момент Сынгвон не мог остановиться.

— Сон Хэхён, — позвал он, открывая дверь в лабораторию. Почему-то он не мог обращаться к ней иначе — всегда отстраненно называл ее по имени и фамилии. Хэхён там не было. *Я что, опять опоздал?* Он был в таком отчаянии, что, казалось, физически его ощущал — совсем не типичные для тинейджеров чувства.

В этот момент что-то очень острое вонзилось в его шею сзади.

Школьная медсестра взяла пинцет и достала из раны непонятный, похожий на шип предмет.

— Что это такое? — нетерпеливо спросил Сынгвон. Он не мог терять ни минуты, ведь когда он шел в медкабинет, зажимая шею рукой, видел,

ЧОН СЭРАН

как десятиклассник из баскетбольной команды шел куда-то с гитарой. Медсестра внимательно рассматривала странный предмет и чуть шевелила губами. Сынгвону показалось, что она выругалась. *Мне, наверно, почудилось.*

— Рана небольшая. Однако в ней может быть яд. Кожа вокруг уже изменила цвет. Похоже, начинается воспаление. Тебе лучше пойти домой, а потом сходить в больницу. Ты из какого класса?

— 11-й «А».

— Я скажу твоему классному руководителю.

— Нет, не надо. Я сам попозже у него отпрошусь. Если он не разрешит, тогда приду к вам за справкой.

Сынгвон пулей выбежал из кабинета. За его спиной слышалось бормотание медсестры, которая, казалось, хотела его остановить:

— Шип я уже вынула, значит, всё должно быть в норме.

Сегодня все учителя, как сговорились, ко мне пристают.

Школьная медсестра Ан Ынён всегда была довольна работой в школе — мелкие проблемы, конечно, возникали, но ничего серьезного. До сегодняшнего дня.

Ынён вглядывалась в предмет, который она вынула из шеи мальчика — что-то живое. Она тихо буркнула, чуть было не выругавшись. Ынён умела пустить в ход крепкое словцо и каждый раз сдерживалась в школе. Сказать мальчику, что она извлекла из его шеи, Ынён не смогла — побоялась, что он испугается. Скорее всего это был кусочек когтя, кости или чешуи какого-то животного. Она увидела, как по венам на шее мальчика распространялся яд, но ей трудно было определить, насколько он опасен. *Может быть, надо было хотя бы продезинфицировать. Но ту заразу нельзя нейтрализовать с помощью спирта. Надеюсь, он продержится, пока я не поймаю распространителя этого яда.* Ынён сильно переживала за Сынгвона. *Надо отослать его подальше от этого существа.*

В школе всё-таки «что-то» есть. Ынён почувствовала это с первого дня работы. К своему сожалению, она была не простой школьной медсестрой. В ее сумочке всегда лежали игрушечные пневматический пистолет и радужный раздвижной меч. Почему нормальная тридцатилетняя женщина должна была носить их с собой? Ей было обидно, но делать было нечего. Хотя скорее, наоборот, она носила их потому, что была ненормальной. Ее

ЧОН СЭРАН

звали Ан Ынён, и все посмеивались над ней из-за ее имени — по-корейски оно звучало почти как Анын хён — «знакомый старший товарищ». Но она не обижалась. Она работала в частной старшей школе М. У нее была способность видеть то, что другие не видят, и бороться с этим.

Когда у нее эта способность появилась? Видимо, была с самого рождения. По крайней мере, Ынён очень рано поняла, что ее мир отличается от мира других людей. Эту разницу она четко осознала, когда ей было около десяти лет. Мама купила тогда очень задешево дом и с радостью начала в нем ремонт. Она хотела снести стену на кухне, но Ынён всячески ее отговаривала. Сказала маме, что ей нравится как есть, предложив только переклеить обои, и даже пригрозила уйти жить к папе, если мама к ней не прислушается. А всё из-за одной доброжелательной женщины с увечьем на лице, которая жила в стене. Маме лучше было о ней не знать. Когда десятилетняя Ынён сидела за столом и готовила себе мюсли с молоком, эта женщина с тихой улыбкой смотрела на нее из стены. В ее глазах не было никакой враждебности, и Ынён не боялась ее. У таких людей, как Ынён, быстро развива-

ется чутье, различающее доброжелательность и враждебность.

Ынён видела не только мертвецов, но и ещё более неприятных существ, порожденных живыми людьми. Например, голые видения-фантомы, заполняющие воздух в школе. *Ой, совсем не люблю детей периода полового созревания.* Когда никого вокруг не было, Ынён размахивала мечом, уничтожая детские сексуальные фантазии. *Ненавижу. Ещё дети совсем, а уже такое на уме.* Ынён видела эктоплазму — вязкую субстанцию, которую выделяют и мертвые, и живые. Эта ещё не изученная субстанция выглядела как желе светло-бежевого цвета и отличалась вязкостью в зависимости от вида и периода появления. Но живые мучали ее не меньше, чем мертвые. Проявление второго этапа полового созревания ее совершенно достало, потому что доставляло много мороки.

Ынён обладала способностью бороться с этими желеобразными субстанциями, напитав игрушечные меч и пистолет своей энергией. Она могла выпустить 22 пули в день, а меч можно было использовать 15 минут. При помощи египетского коптского креста, ока сатаны из Турции, ватиканских четок,

ЧОН СЭРАН

амулета для здоровья из японского храма Атаго в Киото и четок из буддийского храма Пусокса число пуль увеличивалось до 28, а время действия меча — до 19 минут. Таким образом, жизнь школьной медсестры Ан Ынён была наполнена тотемами.

Несколько лет назад она работала в университетской больнице. Ведь профессиональным экзорцистам не платят зарплату, поэтому зарабатывать надо было по-другому. Когда она сдавала школьный выпускной экзамен, она не набрала необходимый балл, но ей повезло, и она поступила в колледж для медсестер, окончив который, долго проработала в больнице. Но и в больницах, и в школах фантомов было предостаточно. *Почему я выбрала профессию медсестры? Нет, нет. Это не так работает. С каждым годом четче ощущаешь, что не человек выбирает профессию, а профессия — человека.* Она нашла для себя такое объяснение не потому, что смирилась с судьбой — она ненавидела слово «миссия», — просто она рано сдалась и оставила всякую надежду жить спокойно. Но в больнице она работала с самыми тяжелыми больными и уставала намного больше, чем обычно. Проработав там несколько лет, она почувствовала, что не справляется и больше не

может подолгу бороться за жизни в больничных коридорах на рассвете. Поэтому она решила поменять профессию, используя диплом школьной медсестры, который она получила в университете. Если уж выбирать между ужасиками и порнофантазиями, то однозначно второе.

Однако в этой школе, кроме порнографических субстанций, обитало злое существо, которое впитывалось в тела детей. Только ступив на порог этой школы, она сразу почувствовала злую силу. *Проклятая судьба, никуда не убежишь.*

Ынён вышла из кабинета — под ее халатом за поясом на спине были воткнуты игрушечные пистолет и меч.

— Говорю же вам: это был худенький мальчик в очках, очень умный на вид. Его надо отправить домой.

Классный руководитель 11 «А» Хон Инпхё, преподававший иероглифику, с недоумением смотрел на медсестру, которая начала работать в прошлом семестре, но всё ещё не адаптировалась к школьной жизни. *Учителя, которые работают на других этажах, до сих пор не запомнили ее лица. Поэтому, встречаясь с ней в столовой, чувствуют*

ЧОН СЭРАН

себя неловко. Прошлая медсестра, наоборот, адаптировалась слишком хорошо и даже превратила свой кабинет в эпицентр сплетен, а эта новая совсем не общительная. Одиннадцатиклассники все худые и в очках, кого она вообще ищет?

— Я звала его, но он поспешно убежал.

Если умный на вид, может быть, речь о Сынгвоне. Обычно он очень собранный, а сегодня был каким-то растерянным.

— Он сильно поранился?

— Ммм. Место сильно опухло, и мне показалось, что скоро поднимется температура, поэтому я решила, что лучше отправить его в больницу.

— А кто его укусил?

— Ну, я точно не знаю, ясно одно — кто-то очень ядовитый...

Конечно, школа находится на окраине, но это всё равно Сеул. Вряд ли здесь водятся опасные насекомые или змеи. Может быть, она из-за нехватки опыта сильно перестраховывается? Лицо медсестры не вызывало доверия — она совсем не выглядела профессиональным и дотошным человеком. Инпхё был не из тех, кто снисходительно относится к людям лишь из-за их молодости. К тому же он хорошо понимал, когда учителя врут.

По их выражению лица, как и у школьников, он быстро просекал любое вранье. Ему показалось, что медсестра ведет себя странно, и он ответил:

— Понял. Найду его и сразу отправлю к вам.

Но не успел он сделать и пары шагов, как из-за его спины послышался голос медсестры:

— Ой, похоже, вы повредили ногу? Хотите я посмотрю?

— Нет, нет. Это со мной давно.

Она в самом деле ничего не знает. Про Инпхё всегда ходило много сплетен — он был сыном владельца школы, богатым наследником и к тому же неженатым. Что только про него не говорили. Несомненно, медкабинет находится вне эпицентра сплетен. Она ничего не знает. С тех пор, как попал в аварию на мотоцикле и сильно повредил ногу, появилось уже несколько десятков версий. А она не знает ни одной.

Это была страшная авария. С другой стороны, оглядываясь назад, нельзя было отрицать, что ему крупно повезло. Дедушка Инпхё был владельцем частной школы и имел несколько крупных предприятий, а Инпхё был его самым любимым внуком, благодаря чему он получал огромные карманные деньги, на которые можно было ку-